

вил его за сбором податей, а сам послал его жене приглашение на пир. Когда хан хотел схватить ее, она превратилась в птицу. Дворец, в котором она оказалась заперта, был обложен со всех сторон топливом и подожжен. Тогда она вылетела из дворца и решила ждать своего мужа три года.

Мани Бадар дзанги тем временем вернулся и узнал обо всем случившемся. Отправившись искать жену, он увидел ее платок, на котором кровью было написано, что он подъедет к трем морям, и что он должен из одного моря напоить коня, водой второго обмыть свой лук и сайдак, а из третьего утолить свою жажду, после чего появится однорогий сивый бык, верхом на котором ему нужно продолжать свои поиски. Мани Бадар дзанги так и сделал. Он подъехал на быке к золотому колодцу, куда пришли две девушки, ставшие брать воду. Узнав от них, что они носят воду самой младшей из семи дочерей небесного хана Джагармиджида, он опускает в ведро колечко, полученное им от жены. Когда они пришли домой и стали поливать руки красавицы водой, ей на руки упало колечко. Узнав от девушек, что у колодца стоит прекрасный витязь, она попросила у отца разрешение спуститься к нему. Спустившись к Мани Бадар дзанги, она узнала его, и они зажили счастливо и благополучно. Затем они отправились домой, взяв в приданое детей и молодой скот, за которыми потянулись и их родители. Прибыв к хану Хара Бэтэгэн, они выстроили недалеко от него шалаш. Мани Бадар дзанги пошел к хану, и в ответ на его вопрос, чего он хочет, он сказал, что заберет все его имущество и ханский престол. Тогда стали его гнать. Узнав, что это Мани Бадар дзанги, хан предложил ему золото, серебро и даже свой престол, но Мани Бадар дзанги сказал, что приедет за всем этим послезавтра, и пригласил хана к себе. Хан приехал и, выпив у него вина, собрался уезжать. Тогда жена Мани Бадар дзанги спустила на него собак, которые его растерзали. Мани Бадар дзанги стал ханом и устроил большой пир.¹

Судя по этим параллелям, монгольские девы-лебеди были добродеевцами. Их, должно быть, имела в виду желтая книга судеб, говоря: «там (где-то в далекой стране) спустились с неба три дочери Эсэгэ Малан Тэнгрия, которые воскрешают мертвых и обогащают обедневших» (Аларский говор, II, стр. 161). Затем следует еще отметить, что, не исключая и Ерусалана, монгольские тексты с девой-лебедью связаны многими мотивами с русскими сказками, так что кое-в-чем можно заподозрить и заимствова-

¹ Другие случаи обращения женских и мужских персонажей в птиц, встреченные нами в былинах «Еремей Богдо Хан» и «Хан Сэксэй Мэргэн» опускаем как непоказательные (Н. Н. Поппе. Аларский говор. Ч. II, Л. 1931, стр. 115, 143, 146, 148, 152, 168).